



В. Н. ТАРАСЕВИЧ,
*профессор, доктор экономических наук,
завкафедрой международной экономики,
политической экономики и управления
Национальной металлургической академии Украины,
пр. Гагарина, 4, Днепр, 49600, Украина*

VIKTOR TARASEVYCH,
*Professor, Doctor of Econ. Sci.,
Head of the Department of International Economics,
Political Economy and Governance,
National Metallurgical Academy of Ukraine,
4, Haharina Ave., Dnipro, 49600, Ukraine*

УДК 339.9:001:111.83

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТИНЫ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Рассматривается актуальная проблематика истины, ее содержания и видов в контексте эволюции классической, неклассической и постнеклассической науки. Предложена концепция цельной истины. Сделан акцент на ее универсумном характере, сложной организации, строении и структуре.

Ключевые слова: классическая, неклассическая и постнеклассическая наука; корреспондентская, прагматическая, когерентная, конвенциональная, консенсусная и цельная истина.

Библ. 26.

UDC 339.9:001:111.83

PROBLEMATIQUE OF THE TRUTH IN THE WORLD ECONOMIC SCIENCE

The actual problematique of the truth, its content and types in the context of the evolution of classical, non-classical and post-non-classical science are considered. The concept of holistic truth is proposed. Emphasis is placed on its universumic character, complex organization and structure.

Keywords: classical, non-classical and post-non-classical science; correspondent, pragmatic, coherent, conventional, consensus and holistic truth.

References 26.

Современная постнеклассическая наука разительно отличается от своих “предков” – древневосточной, античной, средневековой, классической и неклассической.

© Тарасевич Виктор Николаевич (Tarasevych Viktor), 2018; e-mail: viktarsevich@gmail.com.

сической * – сверхсложностью объекта и субъекта, глобальным и универсальным характером, подчеркнутой социальностью и коллективностью, глубиной дифференциации и продвинутой меж-, мульти- и трансдисциплинарностью, сетевыми взаимодействиями, ярко выраженными конструктивизмом, технологизмом, прагматизмом вплоть до узкого практицизма. Опережающее развитие и явное доминирование прикладных научных разработок над фундаментальными исследованиями дают основание отдельным ученым констатировать развертывание *синтагматической революции*, в ходе которой главными действующими “лицами” науки становятся синтагмы (с греч. – “построенное вместе”) – системы научных знаний, точно ориентированные на решение прагматических задач, а потому обязанных неукоснительно следовать условиям конструктивности, технологичности, конкурентоспособности, экономической целесообразности и полезности. Таким образом, не абстрактная *истинность* новых знаний, а полезность, эффективность и рентабельность становятся ключевыми критериями оценки адекватности и ценности проведенного научного исследования [1, с. 100, 107]. Не менее знаковым является прогрессирующий “новый экономический империализм” – активная экспансия экономической науки не только в предметные области других наук, но и во внеаучное пространство, органичная ассимиляция ею отдельных внеаучных идей и практик, в которых проблематика истины практически не актуализирована.

В связи с этим вполне уместны, по крайней мере, следующие вопросы: “Насколько значима роль истины в современной науке?”, “Поскольку поиск истины ради нее самой является одним из немногих родовых инвариантов науки, то не означает ли уход истины в “небытие” одновременную трансформацию науки в некое иное, пока еще безымянное образование?”. Удовлетворительного ответа на эти и подобные вопросы не существует без новой идентификации самой истины, которая не может оставаться неизменной в условиях усложнения и универсумизации науки и ее объекта. Не исключено, что принципиально важно обновленное понимание истины, поискам которой посвящают всю свою жизнь ученые и мыслители.

С учетом этого **цель статьи** – критически осмыслить данную актуальную проблематику.

О научной истине

Классическая наука – результат и предпосылка осознанного и решительного выделения *человеком* себя из царства природы, наделения себя статусом субъекта – *подлежащего*, то есть субстанционального и ведущего, противопоставления себя природе как бездушному объекту изучения и воздействия, средству удовлетворения многочисленных потребностей. В полном согласии с этой максимой ученый-исследователь дистанцируется от природы, чтобы с позиций внеаходимости открывать ее тайны, а *истинным* признается только *научное знание*, *соответствующее* изучаемому объекту. Такой *корреспондентский* (в терминах современной философии) *подход к истине* как к соответствию знания ** объекту *** казался тем

* Поскольку экономическая наука рождается в классическую научную эпоху, постольку в статье акцентируется внимание на соответствующих аспектах истины в классической, неклассической и постнеклассической науке.

** Здесь и далее имеется в виду знание субъекта, то есть знание, присущее субъекту.

*** “Сильная” версия указанного подхода восходит к Г. Лейбницу и предполагает требование доказательств истинности всех посылок (или основателей) истинного вывода. Убеждение в ложном утверждении не может быть обоснованным. В современной теории познания эту традицию наследует *инфаллибилизм* (от infallibility – непогрешимость) [2, с. 120].

более убедительным, что фактически восходил к *античности* * и наследовал утвердившееся в христианстве признание истинным только такого знания, которое соответствовало Божественному творению и Священному писанию. Характерное для просветителей противопоставление науки и религии не исключило известную методологическую преемственность – религиозный *постулат соответствия* был взят на вооружение естествознанием. Неудивительно, что новорожденная экономическая наука восприняла как должное утвердившиеся до ее возникновения идеалы и нормы научности, в том числе и подход к истине.

В отличие от философов, ученые изначально не в полной мере осознали значимость *кантианской* гносеологической *революции*. В исследовании Кантом зависимости знаний от априорных форм чувственности и рассудка, в пресловутой “вещи в себе” они увидели лишь отказ от поиска истины. Между тем, в учении Канта заложен гораздо более глубокий смысл: в поиске истины следует принимать во внимание и согласие мышления с самим собой, и отношение знания *не только* к объекту изучения (на чем сконцентрировалась классическая наука), априорным формам чувственности и рассудка, но и к другим феноменам бытия и мышления [4, с. 78–79]. Ведущие ученые-экономисты, с одной стороны, продолжали следовать корреспондентскому подходу к истине, о чем свидетельствуют фундаментальные учения А. Смита и Д. Рикардо, а с другой – в известном “споре о методе” продемонстрировали возможности выхода за его границы. По справедливому замечанию О. Ананьина, в центре спора находились вопросы взаимоотношений не столько индукции и дедукции, сколько теории и практики; характера взаимоотношений разных видов знания, их значения для практики [5, с. 13–14]. В споре были очерчены, хотя и не в явном виде, по крайней мере, две весьма значимые для будущего экономической науки проблемы: 1) о различных *видах* истинного экономического знания или об истине различных видов экономического знания; 2) об отношении знания к *результатам* его практического применения. Впоследствии разработка второй проблемы привела к восприятию экономической наукой максимы Джамбаттисты Вико: “*verum et factum convertuntur*” (“истинное и сделанное совпадают”) [6] и *прагматической концепции истины* **.

С конца XIX в. менее чем за столетия революционные перемены охватывают все основные области естествознания. Релятивистская и квантовая физика, квантовая химия, генетика, кибернетика и теория систем знаменуют утверждение *неклассической науки*, ее идеалов и норм. Жестко детерминистские законы уступают приоритеты статистическим закономерностям, развиваются вероятностные представления об объектах познания. В результате отказа от прямолинейного онтологизма утверждается понимание *относительной истинности* теорий и картины природы, выработанной на том или ином этапе развития естествознания. В противовес идеалу *единственно* истинной теории, “фотографирующей” исследуемые

* Главное содержание понятия истины в античной философии – идеал не рассуждения, а чувственных несовершенных вещей, которому на деле стремятся соответствовать в своей работе ремесленник, политик и художник. Именно в данном контексте следует понимать классическое определение истины Ф. Аквинским: “*veritas est adaequatio rei et intellectus*” – истина есть тождество вещи (предмета, мира, природы, сущности, факта, содержания, причины) и представления (восприятия, понятия, рассудка, значения, смысла). Здесь речь идет об истине как форме всеобъемлющей гармонии (согласованности, соответствия) – важнейшем признаке совершенства как реальности, так и знания о ней [3, с. 169–170].

** Указанная концепция близка современному *фаллибилизму* – традиции, идущей от Ч. Пирса, согласно которой истинное знание не обязательно должно быть обоснованным. Вполне обоснованным может быть и ложное знание. Фаллибилизм востребован в теории познания в той мере, в какой она стремится быть адекватной фактам эпистемической практики [2, с. 120–121]. “Итак, наши теории практически работают, и это их оправдывает” [7, с. 11].

объекты, допускается истинность *нескольких* отличающихся друг от друга конкретных теоретических описаний одной и той же реальности, поскольку в каждом из них может содержаться *момент* объективно *истинного* знания. Императивным становится учет взаимосвязей знаний об объекте и *характера средств и операций познания*, которые воздействуют на объект и нередко изменяют его [8, с. 8].

Последнее означает, что в неклассическом естествознании человек по-прежнему противостоит природе, но теперь не только отражает, но и осваивает, *изменяет* реальность в *процессе* ее познания. Для ученых-экономистов, изучающих искусственную, “рукотворную”, природу, указанный сдвиг не стал новинкой, а потому и ассимиляция соответствующих ему естественнонаучных норм в экономическую науку не требовала бы особых усилий, если бы в находившихся в зародышевом состоянии экономико-методологических исследованиях рефлексия над отношением знания не только к познаваемому объекту, но и к иным явлениям и процессам отвечала бы скорости перемен. В научном экономическом сообществе не без оснований полагалось, что заметно усложнившаяся к середине XX в. экономика как объект познания субъектом, оперирующим преимущественно классическим научным инструментарием, становится для этого субъекта все более неопределенной и непредсказуемой. В научном знании о ней возрастает доля вероятностной составляющей, а *относительность его истинности* становится очевидной. Использование старого инструментария в исследовании сложного объекта не позволяло выдвинуть такую “большую” теорию, которая бы обеспечила истину классического типа, и обрекало ученых на продуцирование пусть и относящихся к одной парадигме, но все же локальных экономических теорий и соответствующих им *фрагментов* упомянутой истины.

В поисках более сложного исследовательского инструментария, адекватного уровню сложности объекта познания, ученые-экономисты по примеру коллег-естествоиспытателей активизируют рефлексии над *отношением знания к средствам и операциям научной деятельности*. Корреспондентская концепция истины перемещается со сцены за кулисы, а на самой сцене в лучах *неопозитивистского* прожектора становятся явными не только такие различные компоненты экономического знания, как чистая теория и прикладная экономика (искусство экономики), но и различающиеся критерии их научности [9, с. 137]. Судя по темпам и характеру экспансии математики в *чистую неоклассическую теорию*, трудно избавиться от мысли, что острота интереса к получению истинного знания при помощи математических методов обратно пропорциональна остроте впечатлений от умопомрачительных экономико-математических конструкций, имеющих мало общего с реальностью.

Прикладной экономике вообще отказывают в праве осознания *сущности* объекта. Ее главная миссия видится в применении научных экономических знаний для решения практических задач. Теория воспринимается не иначе как инструмент. По М. Фридмену, она нужна не для того, чтобы получить “фотографическое воспроизводство” мира, а для того, чтобы “анализировать” его с помощью “фундаментальной и относительно простой структуры” [10, с. 56] *. Экономисты-неопозитивисты не отвергают фаллибилизм, *прагматическую концепцию истины* и рефлексии над *отношением знания к практике*. В этом аспекте они приближаются к марксистам. Однако, если первых в диспозиции “знание – практика” интересует, главным образом, практический *результат*, то вторые, не отрицая самостоятель-

* Справедливости ради нужно отметить, что М. Фридмен фактически солидаризируется с корреспондентской концепцией истины, когда на примере закона падения твердых тел показывает, что при определенных допущениях в некоторых рамках исследования эксперимент может подтвердить истинность теории как адекватной интерпретации некоторого класса явлений [7, с. 60–61].

ной гносеологической значимости теории, критерием ее истинности признают практическую *деятельность* в широком смысле. Если для первых истинное знание не может не соответствовать *эмпирическим* фактам, то для вторых оно адекватно также *сущностным* детерминантам этих фактов, а не только поверхностным формам их выражения, причем некоторые из последних могут быть превращенными.

Подобным образом и современный *критический* (трансцендентальный) *реализм* видит задачу науки, в том числе экономической, в выявлении и исследовании структур и механизмов, лежащих в *основе* событий опыта, с помощью инструментария абдукции [11, с. 86–88]. Поскольку объективная реальность представлена иерархией трех уровней – реального, действительного и эмпирического, – то совпадение теоретических и эмпирических данных может лишь свидетельствовать о *корреляции* между *наблюдаемыми* эмпирическими данными, а не вскрывать действительные *причины* экономических явлений. Следовательно, тестирование теории на предмет ее истинности только на основании указанной корреляции может быть неадекватным [12, с. 105]. Иными словами, искомая *истина* предстает не одно-, а *многоуровневой*, не одно-, а *многоэлементной*, не элементарной, а *системной*.

Не завершив полнокровное критическое освоение неклассического наследия, экономическая наука на рубеже II и III тысячелетий сталкивается с новыми, *постнеклассическими* вызовами естествознания, которое продолжает определять ключевые направления эволюции научной рациональности. На фоне постулатов неравновесной нелинейной термодинамики и синергетики, теории нестационарной Вселенной, гипотез о “темной” материи и энергии, концепций Большой истории и глобального эволюционизма, а также информационно-коммуникационной революции и “взлета” цифровых и NBICS-технологий возведенное ранее здание науки выглядит несколько устаревшим, а несущие конструкции истины – не вполне надежными. Разумеется, ученые-экономисты заняты гораздо более “земными” проблемами, но они не вправе игнорировать такие ключевые гносеологические ориентиры постнеклассики, как человекоразмерная система, общенаучная картина мира, картина экономической реальности, синергетика, проблемно-ориентированная междисциплинарность, элевационизм, историческая реконструкция и др.

По мнению В. Степина, при изучении человекоразмерных объектов *поиск истины* связан с их *преобразованием*, что непосредственно затрагивает гуманистические ценности. Особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия. Истинное объяснение таких объектов предполагает включение в их состав аксиологических факторов, вненаучных ценностей общесоциального характера *.

* Для восточного мышления такая постановка задачи не нова. Например, в экзотике Т. Имамичи *истина* понимается как *макото* (“*ма*” – совершенный, заверченный; “*кото*” – факт) – движение к совершенству или завершению факта, относящегося к рассматриваемому вопросу. Глубинная специфика “*кото*” связана не с высказыванием, а с открытым актом человека, доводящим факт до завершения. Примером *истины* как *макото* является позиция наблюдателя, видящего маленького ребенка в непосредственной опасности утонуть в реке. Это – ключевой пример нравственной и этической ситуации, поскольку побуждает наблюдателя понять, что эта ситуация значительным образом включает в себя обязывающие и аксиологические элементы: моральные элементы, актуализирующие то, что он обязан делать, и этические элементы, актуализирующие также те идеалы, которыми в наибольшей степени определяются его максимально взвешенные действия как человеческого существа [13, с. 77, 87].

На этом фоне становится очевидным, что признание перехода от экономики как крайне сложной “простой системы” к экономике как крайне сложной “сложной системе” предполагает гораздо более глубокие изменения в экономической науке, чем “изучение ограниченно рациональных агентов в условиях недостатка информации” [14, с. 86–88].

Научное познание начинает рассматриваться как *особая часть жизни общества*, детерминируемая общим состоянием культуры данной исторической эпохи, ее ценностными ориентациями и мировоззренческими установками. Соответственно, обогащается содержание привычных категорий – “теория”, “метод”, “истина” и др. [8, с. 9–11]. Неожиданно для многих научная истина из небольшого “озера” соответствия знания объекту попадает в бушующий “океан” *соотнесения знания с жизнедеятельностью (универсумом)* и ее (его) отдельными составляющими.

Постнеклассическая наука – ровесница культурного *постмодернизма* и его *after*-версий, а потому не свободна от их противоречивого влияния. Так, современные *релятивисты*, абсолютизируя известную линию рассуждений Платона (“*Каким что является мне, таково оно для меня и есть, а каким тебе – таково для тебя*”) и Аристотеля (“*Что каждому кажется, то и достоверно*”), в тезисе П. Фейерабенда “*anything goes*” – “все годится” [4, с. 74] практически отказываются от объективности истины. В лучшем случае, если следовать *когерентной* и *конвенционалистской* концепциям истины*, истинное знание становится результатом внутреннего соответствия элементов знания друг другу в рамках некоторой концептуальной системы [3, с. 170] и рациональной *договоренности* большинства членов научного сообщества. В худшем случае истина объявляется “изобретением лжеца” по Х. фон Ферстеру [7, с. 7–8].

В *эволюционной эпистемологии* на роль ключевого критерия истинности знания претендует его *ценность* для выживания и адаптации, что вполне созвучно ортодоксальным условиям свободной конкуренции, в которых “истинным” признается лишь знание, обеспечивающее победу над конкурентом, независимо от степени его (знания) соответствия объекту. *Радикальные конструктивисты* убеждены в том, что научное знание – вовсе не репрезентация объективной реальности, а субъективная *реконструкция*; символический проект, симулякр. Познание выполняет задачу упорядочения внутреннего мира субъекта. Не только человек создает свой образ реальности, но и его представления и знания формируют его по образу и подобию своему. В оценке такого знания главными критериями становятся полезность, уместность, приемлемость, пригодность и т. п. [7, с. 35]. Классическое понятие истины в этом случае выглядит, по меньшей мере, неуместным и в лучшем случае заменяется понятием пригодности. Пытаясь вершить судьбы создаваемых им виртуальных миров, субъект не замечает самопревращения в объект манипулирования со стороны виртуальных сетей, их модераторов и авторов. Впрочем, за столь оригинальными постмодернистскими построениями важно не упустить значимое для понимания эволюции истины как категории обстоятельство: реальным является соотнесение знания не с объектом, но с самим *субъектом*, а также *межсубъектными взаимодействиями*. Так, в системно-коммуникативной теории науки Н. Лумана истина предстает как программа легитимации специфического и самого по себе невероятного общения, своеобразный медиум, инструмент или символический посредник коммуникации, способный как инфляционировать, так и дефляционировать, опираться на разные функциональные эквиваленты, например на научную репутацию [6].

Экономическая наука не осталась безучастной к постнеклассическим вызовам [16, с. 113–117]. Подверглась она и атакам постмодернизма. Их влияние на

* К ним апеллирует Р. Хоксберген, рассуждая о герменевтическом подходе к экономическим исследованиям как наиболее эффективном и призывая не избегать диалога между различными научными традициями, а также ценностных суждений и “метафизики” [15, с. 68].

проблематику истины оказалось весьма неоднозначным. *С одной стороны*, у Д. Мак-кроски и А. Кламера экономическая наука – в первую очередь риторика, искусство убеждать пользователя в истинности и пригодности для него той или иной научной идеи. На свободном рынке идей ученые соревнуются в умении продать свой “товар”. Таким образом, преодолеваются тоталитарные методологические стандарты, позволяющие узурпировать истину [9, с. 139; 15, с. 65–66]. *С другой стороны*, риторический, языковой и методологический “фильтры” [5, с. 32–39] позволяют в той или иной форме сравнивать отношение знания к объекту и отношение знания к *пользователю*, а также к *языку* научного общения. *С одной стороны*, в постмодернистском восприятии экономическая наука предстает весьма сложным *социальным организмом*, в котором главными персонажами являются не только ученые, но и редакторы, рецензенты, академические боссы, грантодатели, а потому и бескорыстное служение абстрактной истине оказывается отнюдь не единственным и не главным приоритетом научной деятельности [9, с. 142; 17, с. 65]. *С другой стороны*, анализ структуры и особенностей функционирования этого организма, условий создания и распространения научных знаний, способов их существования [15, с. 73] стимулирует осмысление *социальной “анатомии” истины, отношения знания к социальным сетям*.

В связи с этим достаточно симптоматично появление *консенсусной концепции* научной истины, в соответствии с которой *истину выбирают* из нескольких возможных вариантов на основе не конвенций – сознательных, рационально контролируемых и договорных *действий* ученых, а *консенсуса* – результата длительных *дискуссий*, обсуждений, споров, столкновения позиций и мнений, взаимной критики и самокритики, методологической рефлексии в процессе во многом стихийных и социальных по содержанию научных исследований. По мнению С. Лебедева, указанная концепция позволяет преодолеть партикулярность и односторонность иных концепций и подходов к истине, ассимилировать их позитивные моменты, совместить такие противоположные характеристики научного познания, как объектность и субъектность, преэминентность и историзм, детерминизм и творческий характер, социальность и индивидуальность субъекта, объективность и относительность научного знания [18]. Впрочем, консенсусная концепция истины, как и другие концепции, вряд ли может претендовать на универсальность. К тому же она не способна гарантировать безошибочность консенсуса. Как известно, в свое время победа геоцентрической системы стала результатом консенсуса большинства астрономов, и понадобились многие столетия, прежде чем был достигнут консенсус, адекватный реалиям гелиоцентризма. Таким же образом в неоклассической ортодоксии по-прежнему господствует консенсус, касающийся статического характера общего рыночного равновесия, хотя соответствующие динамические модели доминируют не только в теории, но и в практической экономической политике.

К концепции общей (цельной) истины

Итак, историческая ретроспектива рефлексии над истиной убеждает не столько в доминировании крайних позиций – приверженности к ортодоксальной истине и отрицанию истинного знания в целом, сколько в усиливающейся “средней” линии. Речь идет о понимании истины как *соответствия знания объекту, “встроенному” в усложняющийся универсальный контекст*. Составляющими последнего последовательно-параллельно становятся *отношения знания к*: результатам его практического применения; средствам, инструментам и результатам познавательной деятельности; практике; вненаучным ценностям общесоциального характера; мировоззренческим установкам; самому субъекту; межсубъектным взаимодействиям;

пользователю; языку научного общения; социальным сетям и др. *. Соответственно *многофакторный* анализ истины [4, с. 78–79] становится лучше однофакторного, хотя и он вряд ли вполне адекватен сложности проблемы. Его стандартная версия не предполагает сколько-нибудь сложной взаимозависимости факторов, тогда как именно *соотнесение отношения знания к объекту и иных отношений “знания к...”* имеет принципиальное значение для осмысления природы истины.

Дело осложняется тем, что сверхсложные человекообразные объекты научного *познания* являются еще и объектами универсального *постижения*. В каждом из видов *внеаучного* знания об этих объектах и их “окружении” (субъекте, условиях, результатах функционирования и т. д.) наличествует особый стандарт достоверности, правды и иных “аналогов” истины **. Ни один из видов знания не обладает монополией на истину в том смысле, что в определенном *интервале* [20, с. 101–105], при конкретных условиях и предпосылках один вид знания может быть более истинным, чем любой иной. Например, не секрет, что в определенной экономической ситуации следование стандартам просвещенного здравого смысла и интуиции в большей мере отвечает уровню ее сложности, чем специальные научные изыскания. Нужно учитывать и усиливающуюся “сайентизацию” внеаучного знания. Например, современные дискуссии ученых и теологов свидетельствуют об активном развитии известной со времен Аквината доктрины “*двойной истины*”, умелом встраивании в теологию инструментария, категориального аппарата и результатов научных исследований [21, с. 78–90; 22, с. 66–77]. Все более уважительные реверансы делают науке художественное творчество, герметизм, медитация ***. Плодотворно ли взаимоисключение различных видов знания об одном и том же объекте на том лишь основании, что эти знания родились в ином “цехе”? Риторический вопрос.

Таким образом, в современных взаимодействиях и взаимопроникновении различных видов научного и внеаучного знания, в том числе экономического, *истина* отнюдь *не умирает*, а взрослеет и усложняется, предстает как “свободный синтез”, призванный “раскрыть всеобъемлющий смысл бытия-в-истине” (К. Ясперс) в контексте взаимного сравнения и диалога различных идей, теорий и форм знания, связанных с ними практик и социальных реальностей [3, с. 172]. Весьма актуальной становится пророческая мысль П. Сорокина: “В трехмерном пространстве веры, разума и чувств *общая истина* ближе к абсолютной, чем истина, рожденная одной из этих форм” [24, с. 478] (курсив мой. – В.Н.Т.). *N*-мерному сверхсложному экономическому человекообразному темпоральному пространству адекватна не гомофония, а поли-, гетеро- и симфония различных видов постижения, не одномерная, а *n*-мерная *цельная (общая) истина, к вершинам которой ведут многие и многие тропы. Цельная истина предстает как n-мерное соответствие экономико-универсального знания указанному темпоральному пространству (объекту) в его (соответствия) соотнесенности с человеческой жизнедеятельностью, ее сферами и элементами.* “Внутренний мир”, строение таким образом понимаемой *цельной истины* в первом приближении могут быть представлены тремя взаимосвязанными составляющими: научной, внеаучной и синтетической.

* В категориях теории познания перечисленное свидетельствует о включении в научную рефлексию над истиной наряду с инфаллибилизмом и фаллибилизмом интернализма, экстернализма и релейабиллизма [2, с. 124–126].

** К. Леви-Стросс: “Может быть, в один прекрасный день мы поймем, что в мифологическом мышлении работает та же логика, что и в научном” [19, с. 33].

*** Вероятно, этому способствует и известная близость ряда позиций некоторых школ буддизма к современному конструктивизму [23, с. 92–93].

Научная составляющая цельной истины является сложной *системой соотносительностей*, с одной стороны, отношений научного экономического знания к объекту, и с другой – отношений знания к субъекту, условиям, процессу, результату и т. д., научной и практической экономической деятельности, а также отношений экономического знания к самому себе *. Например, экономико-математическая модель значима в том случае, если является особым знанием об определенном экономическом объекте. Мера ее соответствия последнему зависит от самого автора-исследователя, его профессионализма, целей, положения в научном сообществе и т. п., условий, процесса, инструментария моделирования, предназначения модели и многих других факторов. Так, несовершенство математического инструментария не позволяет адекватно моделировать достаточно сложные экономические объекты (что, кстати, способствует фрагментации экономического знания). Степень соответствия модели объекту пропорциональна уровню соответствия ее инструментария его сложности. Нередко указанные факторы учитываются в аспекте преимущественной иерархической подчиненности одному-двум второстепенным факторам (например, требованиям к публикации в престижном журнале и/или к получению гранта), а не научно императивной сетевой соотносительности между собой.

В сложной системе обозначенных соотносительностей важно определить те составляющие (аспекты) научной и/или цельной истины, которые адекватны разным *областям* научного знания (научным дисциплинам), его (знания) *уровням* (эмпирическому, теоретическому, прикладному) и *видам* (аналитическому и синтетическому знанию, предпосылочному и выводному, интуитивному и дискурсивному, априорному и апостериорному, атрибутивному и модальному, явному и неявному, ассерторическому (описательному), номотетическому (знанию о необходимом) и деонтическому (знанию о должном)). В этом контексте, например, классическая корреспондентская истина адекватна лишь синтетическому (преимущественно эмпирическому) знанию; априорное знание признается истинным на основе либо конвенции, либо консенсуса; сложнейшей проблемой является доказательство истинности номотетического и деонтического знания [25].

Элементами *внеаучной* составляющей цельной истины могут быть *соотносительности отношений*: 1) внеаучных экономических знаний к различным феноменам соответствующего вида постижения и отражаемой им реальности в универсальном контексте; 2) внеаучного знания к самому себе и к знаниям – результатам иных видов постижения. Так, правдивость изображения экономических реалий в художественном произведении в значительной мере определяется особенностями самовыражения автора, его личным опытом экономической деятельности, практичностью, здравым смыслом, вероисповеданием, социальным положением и другими факторами. В достаточной ли мере подобные факторы учитываются в поисках истины? Разумеется, нет.

Синтетическая составляющая цельной истины представляет сочетание и синергию научной и внеаучной составляющих. Количество таких комбинаций не поддается краткому описанию, поскольку должны быть соотносены различные отношения многих видов постижения и познания как между собой **, так и с их отношениями к

* Соотнесение различных отношений знания к самому себе составляет проблематику истории экономических учений, экономической методологии, философии и методологии экономической науки, а также науки об экономической науке.

** Если в экономической методологии соотносение отношений научного и внеаучного знания лишь намечается, то в философии и методологии экономической науки, а также в экунике оно становится главной проблемой.

многочисленным феноменам человеческой жизнедеятельности. Один из возможных вариантов такого сочетания может быть изучен с использованием предложенного О. Ананьиным эшелонирования экономического знания по критериям степени абстрактности и механизмов функционирования. Речь идет об эшелонах (уровнях): 1) абстрактной теории; 2) базового типологического знания; 3) системной экономической компаративистики; 4) прикладного стратегического знания; 5) прикладного оперативного знания или экономической инженерии. На каждом из таких уровней, по мере возрастания конкретности экономического знания и приближения его к сфере практического использования, оно вступает во все более широкий круг социальных взаимодействий, без учета которых оно утрачивает смысл [5, с. 250–253].

С позиций *корреспондентской* концепции *научной истины* претензии на последнюю в трех верхних эшелонах экономического знания во многом снимаются, ибо научное знание здесь попадает в водоворот вненаучного и теряет необходимую часть своей идентичности. С позиций концепции *цельной (общей) истины* именно на этих уровнях происходит столкновение и взаимодействие видимых, поверхностных форм научных и вненаучных элементов *цельной истины*. Но чтобы эта видимая, “надводная” часть “айсберга” последней была адекватно идентифицирована, необходима *n*-сторонняя диагностика ее невидимой, “подводной” части. Элементы *научной истины*, обретаемой на двух нижних уровнях экономического знания, должны быть *синтезированы* с соответствующими элементами истинности *вненаучного* знания. Более того, сверхсложная человекоразмерная система не может быть на одном уровне только экономической, а на другом — только социальной или политической. Взаимодействие экономической, экологической, социальной, духовной и политической ипостасей формирует ее на всех уровнях точно так же, как бессознательное, сознательное и подсознательное составляют неотъемлемую среду всех уровней научного познания. Следовательно, весьма вероятно наличие вненаучных и научных элементов *цельной истины* на всех уровнях экономического знания, и сама она в таком случае является результатом и синергией синтеза указанных элементов. Итак, у ученых нет выбора: их призвание — поиск *цельной истины*.

Выводы

Таким образом, в современной науке наряду с усложнением *научной истины* и процесса ее обретения зреет понимание невозможности последнего вне обращения к *цельной истине* и ее овладения. Разумеется, подобные амбиции не без оснований могут быть признаны утопичными. В этом нет ничего удивительного, поскольку достигнутый уровень развития экономической науки и экономико-универсального знания и его саморефлексии не позволяет достичь *цельной истины*. Однако даже принципиальная непреодолимость этой утопичности и невозможности отнюдь не является основанием для забвения самой идеи экономико-универсального знания и его истинности *. Ведь невозможность абсолютной истины в науке не охлаждает пыл ученых, ищущих относительную *научную истину*. Почему же сложность задач должна останавливать искателей *цельной истины*? Им стоит воспользоваться опытом науки и научиться определять *меру и относительность цельной истины*, жесткие условия, предпосылки и границы, в которых экономико-универсальное знание соответствует той или иной сфере сверхсложного человекоразмерного объекта. “Если истину можно искать, значит, она есть” (П. Флоренский).

* В частности, приумножение экономико-универсального знания обогащает “ученое ведение” (Н. Кузанский) или *знающее незнание*, которое и есть высший модус истины, доступный человеческому существу [26, с. 38].

Список использованной литературы

1. *Ракитов А.И.* Синтагматическая революция (50 лет спустя) // Вопросы философии. – 2012. – № 7. – С. 100–109.
2. *Лебедев М.* Перспективы современных концепций надежности знания // Вопросы философии. – 2007. – № 11. – С. 119–132.
3. Новая философская энциклопедия. – В 4 т. ; [под ред. В.С. Степина]. – Т. 2. – М. : Мысль, 2010. – 638 с.
4. *Левин Г.* Современный релятивизм // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 73–82.
5. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях ; [отв. ред. О.И. Ананьин]. – М. : Наука, 2008. – 255 с.
6. *Антоновский А.Ю.* Наука как общественная подсистема. Никлас Луман о механизмах социальной эволюции знания и истины // Вопросы философии. – 2017. – № 7. – С. 154–167.
7. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3–37.
8. *Степин В.* У истоков современной философии науки // Вопросы философии. – 2004. – № 1. – С. 5–13.
9. *Ананьин О.* Экономическая наука в зеркале методологии // Вопросы философии. – 1999. – № 10. – С. 135–151.
10. *Шлиссер Э.* Экономическая теория и эксперимент: Исаак Ньютон, Милтон Фридмен и Вернон Смит // Вопросы экономики. – 2007. – № 3. – С. 55–70.
11. *Лоусон Т.* Современная “экономическая теория” в свете реализма // Вопросы экономики. – 2006. – № 2. – С. 75–98.
12. *Кюнцель С.* Эволюционное моделирование и критический реализм // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 101–118.
13. *МакКормик П.* Технологическая конъюнктура, этическая инновация и способность видеть истину в “Эко-этике” // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 76–91.
14. *Коландер Д.* Революционное значение теории сложности и будущее экономической науки // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 84–100.
15. *Болдырев И.* Экономическая методология и постмодернизм // Вопросы экономики. – 2006. – № 11. – С. 59–78.
16. *Тарасевич В.Н.* Постнеклассический вызов фундаментальной экономической науке // Вопросы экономики. – 2004. – № 4. – С. 107–117.
17. *Блауг М.* Тревожные процессы в современной экономической теории / К вопросу о так называемом “кризисе” экономической науки : матер. теоретического семинара ИМЭМО. – М. : ИМЭМО РАН, 2002. – С. 5–63.
18. *Лебедев С.А.* Пересборка эпистемологического // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 53–64.
19. *Каз М.* Почему в экономических исследованиях необходим когнитивный подход? // Вопросы философии. – 2009. – № 4. – С. 29–40.
20. *Лазарев Ф., Лебедев С.* Проблема истины в социально-гуманитарных науках: интервальный подход // Вопросы философии. – 2005. – № 10. – С. 95–115.
21. *Левин Г.* Методологические принципы диалога материалистов с верующими // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 78–90.

22. Шахов М. Реализм как общая основа религиозного и научного знания // Вопросы философии. – 2008. – № 10. – С. 66–77.
23. Петренко В., Кучеренко В. Медитация как форма непосредственного познания // Вопросы философии. – 2008. – № 8. – С. 83–101.
24. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – 543 с.
25. Лебедев С.А. Структура научной рациональности // Вопросы философии. – 2017. – № 5. – С. 66–79.
26. Далмайр Ф. Николай Кузанский о вере, знании и ученом незнании // Вопросы философии. – 2007. – № 2. – С. 35–41.

References

1. Rakitov A.I. *Sintagmaticheskaya revolyutsiya (50 let spustya)* [Syntagmatic revolution (50 years later)]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2012, No. 7, pp. 100–109 [in Russian].
2. Lebedev M. *Perspektivy sovremennykh kontseptsii nadezhnosti znaniya* [Prospects of modern concepts of reliability of knowledge]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2007, No. 11, pp. 119–132 [in Russian].
3. *Novaya Filosofskaya Entsiklopediya, v 4 t. T.2* [New Encyclopedia of Philosophy, in 4 vol. Vol. 2]. V.S. Stepin (Ed.). Moscow, Mysl', 2010 [in Russian].
4. Levin G. *Sovremenniy relyativizm* [Modern relativism]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2008, No. 8, pp. 73–82 [in Russian].
5. *Ekonomika kak Iskusstvo: Metodologicheskie Voprosy Primeneniya Ekonomicheskoi Teorii v Prikladnykh Sotsial'no-Ekonomicheskikh Issledovaniyakh* [Economics as an Art: Methodological Issues of the Application of Economic Theory in Applied Social and Economic Research]. O.I. Anan'in (Ed.). Moscow, Nauka, 2008 [in Russian].
6. Antonovskii A.Yu. *Nauka kak obschestvennaya podсистема. Niklas Luman o mekhanizmax social'noi evolyutsii znaniya i istiny* [Science as a social subsystem. Niklas Luhmann on the mechanisms of social evolution of knowledge and truth]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2017, No. 7, pp. 154–167 [in Russian].
7. *Konstruktivizm v epistemologii i naukakh o cheloveke (materialy "kruglogo stola")* [Constructivism in epistemology and sciences of man (proceedings of the round-table)]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2008, No. 3, pp. 3–37 [in Russian].
8. Stepin V. *U istokov sovremennoi filosofii nauki* [At the beginnings of the modern philosophy of the science]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2004, No. 1, pp. 5–13 [in Russian].
9. Anan'in O. *Ekonomicheskaya nauka v zerkale metodologii* [The economics at the mirror of the methodology]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 1999, No. 10, pp. 135–151 [in Russian].
10. Schliesser E. *Ekonomicheskaya teoriya i eksperiment: Isaak N'yuton, Milton Fridmen i Vernon Smit* [The economics and experiment: Isaac Newton, Milton Friedman and Vernon Smith]. *Voprosy ekonomiki – Issues of the Economy*, 2007, No. 3, pp. 55–70 [in Russian].
11. Lowson T. *Sovremennaya "ekonomicheskaya teoriya" v svete realizma* [A realist respective on contemporary "economic theory"]. *Voprosy ekonomiki – Issues of the Economy*, 2006, No. 2, pp. 75–98 [in Russian].
12. Kuntzel S. *Evolyutsionnoe modelirovanie i kriticheskii realizm* [Evolutionary modeling and critical realism]. *Voprosy ekonomiki – Issues of the Economy*, 2009, No. 1, pp. 101–118 [in Russian].

13. McCormick P. *Tehnologicheskaya kon'yunktura, eticheskaya innovatsiya i sposobnost' videt' istinu v "Eko-etike"* [Technological conjuncture, ethical innovation and ability to see truth in "Eco-ethics"]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2011, No. 10, pp. 76–91 [in Russian].
14. Colander D. *Revolutsionnoe znachenie teorii slozhnosti i budushchee ekonomicheskoi nauki* [The revolutionary importance of the complication's theory and future of economics]. *Voprosy ekonomiki – Issues of the Economy*, 2009, No. 1, pp. 84–100 [in Russian].
15. Boldyrev I. *Ekonomicheskaya metodologiya i postmodernizm* [Economic methodology and postmodernism]. *Voprosy ekonomiki – Issues of the Economy*, 2006, No. 11, pp. 59–78 [in Russian].
16. Tarasevich V.N. *Postneklassicheskii vyzov fundamental'noi ekonomicheskoi nauke* [Postnonclassical challenge to fundamental economic science]. *Voprosy ekonomiki – Issues of the Economy*, 2004, No. 4, pp. 107–117 [in Russian].
17. Blaug M. *Trevozhnye protsessy v sovremennoi ekonomicheskoi teorii* [The anxious processes in modern economic theory]. Proceedings from: *K voprosu o tak nazyvayemom "krizise" ekonomicheskoi nauki. Teoreticheskii seminar IMEMO* [To the question about so-called "crisis" of the economic science. IIEIR theoretical seminar]. Moscow, IIEIR of the RAS, 2002, pp. 5–63 [in Russian].
18. Lebedev S.A. *Peresborka epistemologicheskogo* [Re-assembly of the epistemological]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2015, No. 6, pp. 53–64 [in Russian].
19. Kaz M. *Pochemu v ekonomicheskikh issledovaniyakh neobkhodim kognitivnyi podkhod?* [Why in economic researches the cognitive approach is necessary?]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2009, No. 4, pp. 29–40 [in Russian].
20. Lasarev F., Lebedev S. *Problema istiny v sotsial'no-gumanitarnykh naukakh: interval'nyi podkhod* [Truth problem in social and humanitarian sciences: interval approach]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2005, No. 10, pp. 95–115 [in Russian].
21. Levin G. *Metodologicheskie printsipy dialoga materialistov s veruyushchimi* [Methodological principles of dialogue of materialists with believers]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2008, No. 10, pp. 78–90 [in Russian].
22. Shakhov M. *Realizm kak obshchaya osnova religioznogo i nauchnogo znaniya* [Realism as the general basis of religious and scientific knowledge]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2008, No. 10, pp. 66–77 [in Russian].
23. Petrenko V., Kucherenko V. *Meditatsiya kak forma neposredstvennogo poznaniya* [Meditation as a form of immediate knowledge]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2008, No. 8, pp. 83–101 [in Russian].
24. Sorokin P.A. *Chelovek. Tsvilizatsiya. Obshchestvo* [Person. Civilization. Society]. Moscow, Politizdat, 1992 [in Russian].
25. Lebedev S.A. *Struktura nauchnoi ratsional'nosti* [The structure of scientific rationality]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2017, No. 5, pp. 66–79 [in Russian].
26. Dalmair F. *Nikolai Kuzanskii o vere, znanii i uchenom neznanii* [Nikolay Kuzansky about faith, knowledge and scientific nescience]. *Voprosy filosofii – Issues of Philosophy*, 2007, No. 2, pp. 35–41 [in Russian].

*Статья поступила в редакцию 11 июня 2018 г.
The article was received by the Editorial staff on June 11, 2018.*
